

ЯЗЫК И ОБЩЕСТВО

Образ камня в традиционных представлениях некоторых народов Дальнего Востока

© кандидат филологических наук Е.Н. Филимонова, 2004

*В мире лишь одно
Неизменно – камень.
Юн Сондо.*

Камень, как символическое понятие, занимал и занимает важное место в культурах разных стран и народов. Долговечность, постоянство и величественность форм материального воплощения *камня* всегда производили глубокое впечатление на сознание человека.

На Дальнем Востоке *камень* считался материалом полуприродным и получеловеческим, так как, хотя он и создан природой, но поддается обработке человеком. Главные достоинства *камней* в глазах их дальневосточных ценителей определялись традиционным представлением о том, что «чистейшая семенная энергия Неба и Земли, сгущаясь, превращается в *камни* и, выходя из земли, принимает диковинный облик». *Камни*, как вместилища чистейшего субтрата жизни, были объектом поклонения, святыне *камни*, *камни-обереги* – распространенный атрибут китайских и корейских народных культов. По китайским и корейским понятиям, присутствие «чистого *камня*» оказывает благотворное, облагораживающее влияние: твердость *камня* учит дух быть *каменной* твердыней. *Камень* – молчаливый свидетель вечности - входил в круг объектов, обозначавших качества подлинной человечности, по мнению древних китайцев, среди которых были сосны, кипарисы, орхидея и бамбук (см. об этом: Малявин 2000, 437). *Камень* – самый надежный друг возвышенного мужа: он «навевает думы о древнем». На Дальнем Востоке он считается одним из десяти символов долголетия («Классическая проза Дальнего Востока» 1975, 817).

Следует заметить, что на Дальнем Востоке магия и этика *камня* не отделимы от его эстетики. Редкостный облик, увлекательные переливы цветов, затаенная мощь его массы делали *камень* не только вместилищем мировой энергии, но и художественно ценным предметом. *Камни* созерцали, к ним прикладывали руки, их даже слушали. Границы эстетического восприятия *камня* в дальневосточной традиции очень широки. По мнению Е. В. Завадской, они определяются даосской традицией

уподобления себя простоте обычного *камня* (ши) и конфуцианским стремлением к самосовершенствованию, доведенному до той изысканности, которой отличаются *яшма* или *нефрит* (юй) (см.: Завадская 1977, 124). В средневековом Китае сложилась целая классификация эстетических признаков *камней*. Знатоки толковали о красоте *камней* дырчатых и ноздреватых, морщинистых и волнистых, пористых и продолговатых, «похожих на водяные каштаны», «наполовину вросших в землю» и т. д. В особенности ценились три свойства *камней*: «проницаемость», позволяющая ощутить их пассивную толщину; «худоба», производившая впечатление изящества, легкости, парения; «открытость» - красота пустот и отверстий в камне, делавших его как бы разверстым в окружающее пространство. Крайне разнообразны были и способы установки *камней* в саду дальневосточных народов. Важным элементом композиции китайского сада были и остаются искусственные горки *из камней*. Ученый XVII века Чжан Чжао советовал: «под сливовым деревом *камни* должны навевать аромат древности, под соснами *камни* должны быть шероховатыми, среди бамбука – высокими, а в низине – изящными». В дальневосточном фольклоре распространены рассказы о *камнях-оборотнях*, способных превращаться, например, в красивого юношу (см. об этом: Малявин 1995, 207-208; 2003, 321).

Бо Цзюйи утверждал, что мир *камней* подобен миру людей, что *камни*, как люди, имеют свой нрав и характер: среди них, как среди людей, есть благородные и подлые. «Есть *камни*, - писал Бо Цзюйи, пышно-величественные, словно влиятельные монархи; есть грозно-торжественные, точно строгие чиновные люди; есть прихотливо-изысканные, словно писанные красавицы. Есть среди них *камни* подобные драконам и фениксам, демонам и тварям земным. Они точно сгибаются в поклоне или шагают, крутятся или прыгают, разбегаются в разные стороны или стоят толпой, поддерживают друг друга или друг с другом борются...» (цитируется по: Малявин 1995, 208-209; 2003, 322).

В Корее *камень* считается символом твердости и стойкости характера:

«... Чхунхян, стойкая как железо и *камень*, не пошла к нему в наложницы и за это жестоко наказана» («Роза и Алая Лотос» 1974, 345); «Будь инспектор Ян тверд, как железо или *камень*, он против ее чар не устоит!» («Сон...» 1985, 255).

О выносливом и неприязнательном человеке корейцы говорят: «Он и на *камне* выживет» (см. «Корея. Карманная энциклопедия» 2000, 317).

Из драгоценных и полудрагоценных *камней* китайцы и корейцы с незапамятных времен особенно ценили *яшму*, считавшуюся самым «одухотворенным *камнем*» и символом державной власти, а также воплощением «крайнего ян» в минеральном царстве, «семенем дракона» на земле (см.: Малявин 2000, 21). Древние китайцы считали ее предше-

ственницей всех драгоценных камней (см. «Энциклопедия для детей. Геология» 1995, 398).

Яшма – лапидарный камень Правителя Неба и императоров Китая, символизирующий космическую энергию, совершенство, силу, власть, неподкупность, бессмертие. В дальневосточной традиции олицетворяет целый ряд добродетелей: моральную чистоту, справедливость, искренность, мужество, гармонию, преданность, благожелательность и мудрость. Считалось также, что *яшма* укрепляет дух и предотвращает несчастья. *Яшму* наделяют и свехъестественными лечебными свойствами (см.: Тресиддер 2000, 236; Малявин 1997, 353; Jobs. Part 2. 1962, 859-860).

Яшма издавна была предметом особого почитания, мистической поэтизации дальневосточных народов. Китайская поговорка гласит: «*Золото имеет свою цену, но яшма бесценна*». Китайцы и корейцы до сих пор относятся к *яшме* с трогательной благоговейностью, поразительным трепетом и нежностью. Любое непочтительное отношение к этому камню может вызвать грусть, а порой гнев и негодование у представителей этих народов. Вот как писал об этом корейский поэт Хон Сом:

«*О яшме* сказали: камень! // Это печально!» («Классическая поэзия...» 1977, 430).

Китайский термин *яшма* (юи) относился к нескольким видам минералов, среди которых наибольшее значение имели *нефрит* и *жадеит*. По своему химическому составу *нефрит* представляет собой силикат кальция и магния, *жадеит* – силикат алюмокарбоната. Оба минерала были бы полностью белыми, если бы не присутствие в них различных окислов. Древние китайцы различали шесть видов драгоценной *яшмы*: голубая, символизирующая Небо и считавшаяся принадлежностью властелина Поднебесного мира (на практике ее часто заменяла белая *яшма*), желтая (символ Земли и принадлежности императрицы), а также четыре вида *яшмы*, соответствующие сторонам света: зеленая, красная, белая и черная. Узоры в *яшме*, как уже говорилось, слыли прообразом «небесных» узоров мироздания, ее прозрачные, нежные цвета – символом душевной чистоты благородного мужа (см.: Малявин 2000, 329).

Сложно найти корейское или китайское литературное произведение, где бы не упоминалась *яшма*. В дальневосточной литературе понятие *яшма* распространялось на все твердые, пестро окрашенные камни, в том числе *нефрит*, так как, по мнению Н. И. Сукаленко, в корейском и китайском «обыденном сознании *яшма* и *нефрит* не разграничивались» (Сукаленко 1992, 83-84). «*Яшмой, бирюзовой, словно вода*» в дальневосточных странах называли и горный хрусталь. Об этом свидетельствуют древние «Записи о ритуале» (Ли цзи), придворные сановники в ранге дайфу носили на поясе подвески из «*бирюзовой воды*» (см. об этом: «История цветов» 1991, 634).

Яшма и нефрит в корейской и китайской художественной литературе зачастую подменяют друг друга, поэтому в нашей статье мы не разделяем эти два камня, а рассматриваем их вместе.

Обращает на себя внимание тот факт, что метафорический эпитет *яшимовый*, ни о чем не говорящий русскому человеку, для корейца и китайца это – эпитет ко всему дорогому, лучшему, как к предметам, так и отвлеченным понятиям. Имеется целый ряд приложений этого эпитета к следующим словам: девушка, доблесть, милый, прекрасный человек, весна, музыкальные инструменты, столица, чарка вина, сосуды, луна, небо, чистое сердце, друг, облик, письмо, лицо, красота, царь, бог и т. д. и т. п. (см.: Ду Фу 2000, 501-502).

При описании идеальной картины природы в дальневосточной литературе часто встречаются метафорические эпитеты: *яшимовый* и *нефритовый*.

«На нефритовом гребне горы // Изумрудные копыта бамбука» («Классическая поэзия...» 1977, 481); «Осеннее озеро – яшимовой зеленью // тихо струится вода» («Классическая поэзия...» 1977, 448); «Кругом цветут необыкновенные цветы и *яшимовые травы*» («Верная Чхун Хян» 1960, 47).

Однако в русской языковой ментальности трава, скорее всего, будет *изумрудной*.

Воды, водные просторы в корейской и китайской литературе также связываются с эпитетом *яшимовый*. Здесь *яшма* выступает как символ чистоты:

«Но водой серебряной стремнины // Водопада, голубого моря, // Чистого ключа, ручья, как *яшма*, // Иль реки широкой ты не будешь» («Верная Чхун Хян» 1960, 64); «Рокотом града земле водопад // о себе подает весть. // Возносятся россыпи брызг в пустоту – // зерна: *яшма* и жемчуга» («Классическая поэзия...» 1977, 431); «...мою в *яшимовом ручье*, полощу в синих водах» («Повесть о зайце» 1960, 319).

В русском языке для чистой холодной воды существует метафорический эпитет – *хрустальная*, для волн – *бирюзовые*.

Яшма и нефрит часто выступают в качестве метафор и метафорических эпитетов и при описании снежной зимы:

«Опустели горы и реки, порывистый холодный ветер нес белые хлопья снега, и они, кружась, покрывали *белояшимовой пеленой* землю» («Сон...» 1982, 124); «Снег перестал только к первой страже. Земля оделась в серебряный наряд. Весь мир казался выточенным *из нефрита*... Она откинула занавеску и еще издали заметила запорошенного снегом У Суна, шагающего по ослепительным россыпям осколков *нефрита*» («Цветы сливы...» Т.1.1998, 37).

Раньше в дальневосточных странах только император мог пользо-

ваться предметами *из белой яшмы*, или «*яшмы как бараний жир*» – самой красивой и ценной. Несколько уступала ей по качеству *яшма* цвета «льда» или «рисовой каши» (см. об этом: Малявин 2000, 486; 2003, 334). Обязательной принадлежностью китайского и корейского императоров, а также их сановников была вырезанная *из яшмы (нефрита)* печать. Императорская *яшмовая (нефритовая)* печать символизировала, что власть императору дана небом (Тресиддер 2000, 236). *Из нефрита* и других драгоценных камней изготавливались знаки отличия императоров и придворных. Ранги чиновников различались в Китае по поясам, инкрустированным различными драгоценными камнями: *нефритом*, красным кораллом, сапфиром и т. д. (см.: Сидихменов 2000, 298).

За заслуги чиновников награждали и *нефритовыми украшениями*. *Нефритовые украшения* были символом высокого положения вельмож при дворе китайских и корейских императоров.

«Император наградил Яна алым халатом и поясом *с нефритовыми украшениями*, двумя конями, музыкальными инструментами из придворного театра, пожаловал ему звание члена императорской академии и дом в Запретном городе» («Сон...» 1982, 96).

Яшмовая (нефритовая) дощечка – принадлежность чиновника. Одна половина этой бирки из бамбука или *яшмы (нефрита)*, вручалась чиновнику как знак его полномочий, а вторая хранилась во дворце. *На яшмовой (нефритовой) дощечке* указывались должность и звание чиновника, носили их на поясе (см. об этом: «Бамбук в снегу» 1978, 308; «Записки...» 1985, 454). В феодальной Корее *на нефритовых*, бамбуковых или из слоновой кости дощечках также записывались приказы и распоряжения (см. об этом: «Роза и Альый Лотос» 1974, 410; «Повесть о Сим Чхон» 1960, 683). Все это нашло отражение в художественной литературе:

«Получил на служенье // *Нефритовую дощечку* – // Доверья и власти знак» («Бамбук в снегу» 1978, 251); «Он заявил, что лишает отца Чан титула королевского тестя и всех его чинов и званий, приказывает арестовать и сослать на остров Чечжу ее брата Чан Хи Чже и, наконец, разбивает жалованную Чан *нефритовую пластинку* – символ ее высокого положения» («Записки...» 1985, 83); «На четвертый день император показался в дверях дворца: на нем были парадный головной убор и алый шелковый халат, в руке – *нефритовая дщица* для записи повелений» («Сон...» 1982, 372).

Яшмовые (нефритовые) ступени – метафорическое название королевского дворца («Классическая проза Дальнего Востока» 1975, 819).

«*Ступени из яшмы* // Давно от росы холодны»; «Я стою... у *яшмовых ступеней* // Иней появляется осенний» (Ли Бо 2000, 169; 296); «По-

сле трехдневного пира юноша посетил могилы предков, а потом взошел с поклоном на *нефритовые ступени*» («Роза и Альый Лотос» 1974, 354).

Яшмовый (мраморный) помост – крыльцо на женской половине императорского дворца (Ли Бо 2000, 268).

«*Яшмовый помост* рождает белые росы...» (Ли Бо 2000, 248).

В убранстве дворцов также использовались различные драгоценные камни, включая *яшму (нефрит)*:

«Повсюду хрусталь, *яшма*, кораллы, вазы из драгоценного камня!» («Подвижница Сим Чхон» 1990, 240).

Одежды и головные уборы знатных особ в древности украшали *яшмовые (нефритовые)* подвески. Эти искусно вырезанные белые пластинки в Китае и Корее подвешивались к головному убору или поясу и при ходьбе издавали мелодичный звон, который призван был отгонять злых духов (см.: Малявин 2000, 329; 486).

«С навеса короны у него свисают одиннадцать шнуров с *нефритовыми шариками*, черный халат расшит драконами, пояс украшен *нефритом*» («Цветы сливы...» Т. 2. 1998, 31; 406); «...на этой женщине была одежда ярко-розового цвета, в волосах – малахитовые шпильки, на поясе – *яшмовые подвески*» (Ким Ман Чжун 1961, 122).

Лик короля именовался *яшмовым (нефритовым)*:

«Король отказался от еды и сна, *яшмовый лик* его осунулся» («Записки...» 1985, 89); «*Нефритовый лик* Сына Неба исказился от страдания» («Сон...» 1982, 447).

Даже ладони царственной особы отождествлялись с *яшмой*:

«Император... хлопнул *яшмовой ладонью* по столику...» («Сон...» 1982, 365).

Словосочетание *нефритовая хозяйка* в дальневосточной художественной литературе служит обозначением образа принцессы:

«*Нефритовая хозяйка* не чувствует отвращения к моему подлому происхождению», - ответил ей Сёный» («Повесть о Чёк Сёные Чён» 1996, 88).

Китайские мастера из всех драгоценных и полудрагоценных камней отдавали предпочтение *яшме*. Почитание *яшмы* в Китае объясняется еще и обстоятельством, что этот твердый камень с трудом поддается обработке. Считалось, что хорошим резчиком *по яшме* мог стать только человек сильной воли и доброй души. Парадоксально, но в истории китайской культуры обработка и изготовление художественных изделий из *яшмы* и *нефрита* стали делом народных мастеров, тогда как простой камень обрел свое место в живописи великих художников и в знаменитых садах (см. об этом: Новикова 2004, 408, 409). Изготовление ювелирных изделий и композиций из *яшмы* требовало длительного времени, нередко многих лет. Однако в глубокой древности китайцы считали

яшму настолько священной, что ограничивались минимальной обработкой естественного камня, придавая ему, например, круглую (символ Неба) или квадратную (символ Земли) форму. Император использовал такой *нефритовый диск* при обращении к небу, который и олицетворял небо, а квадратное отверстие в нем означало землю (см.: Малявин 2000, 486; Сидихменов 2000, 64).

Помимо официальной и ритуальной роли *яшма (нефрит)* имела широкое применение в частной жизни китайцев и корейцев. Древние изделия из *яшмы (нефрита)* были ценной реликвией любого китайского и корейского дома. Еще в иньскую эпоху из *яшмы (нефрита)* делали культовые предметы, ритуальные вазы для вина, зерна и воды, а также топоры, алебарды, различные служебные регалии, украшения и даже человеческие маски и т. д. (Малявин 2000, 329; 486).

«И чаша *яшмовая* вновь полна...» (Ли Бо 2000, 295); «В *яшмовом* кувшине вино, от которого прозревают слепые» («Братья Хынбу и Нольбу» 1990, 141); «Стояла глубокая ночь, поэтому принцесса зажгла *нефритовый светильник* и, опершись о перила, декламировала стихи» («Повесть о Чёк Сёные» 1996, 90); «На *белояшмовых полках* теснилось множество книг» («Сказание о госпоже Пак» 1960, 499); «Из *яшмы* экраны и ширмы стоят» («Цветы сливы...» Т. 2. 1998, 130); «... те готовят *белояшмовые носилки* и ждут» («Повесть о Сим Чхон» 1960, 224); «Она вынула из ушей *яшмовые серьги*...» («Чанхва и ее сестра Хоннён» 1990, 310); «Он подозвал молодую, взял маленький ларец и, вынув из него драгоценное зеркало и *яшмовое кольцо*, отдал ей» («Скидания госпожи Са по югу» 1960, 332) и мн. др.

Дальневосточные мужчины предпочитали курить трубки с *яшмовыми (нефритовыми) мундштуками*, так как считалось, что этот камень может нейтрализовать ядовитый дым:

«... трубки с янтарными и *яшмовыми мундштуками*» («Повесть о зайце» 1990, 336).

В Китае изготавливали небольшие деревья из самоцветов, и в том числе *нефрита*, которые ставили в кадки и плоски, чтобы они выглядели как живые (Би Сяошэн 1992, 187).

«Женщины походили на *нефритовое деревце*, выросшее на нескольких комелях!» (Там же, 175); «Была она прекрасна, словно *яшмовое дерево* из рощи бессмертных» («Цветы сливы...» Т. 2. 1998, 261).

Яшмой (нефритом), жемчугом и золотом расшивали одежду дальневосточные модницы, а дальневосточные щеголи украшали седла для лошадей:

«Парча на прелестницах вся жемчугами расшита, // И сколько шитья золотого и сколько *нефрита!*» («Цветы сливы...» Т. 2. 1998, 44); «Надевает седло, расшитое *яшмой*...» («Верная Чхун Хян» 1960, 38).

Яшма широко применялась для декоративной отделки различных бытовых предметов:

«... маршал взял хлыст с *белояшмовой рукояткой...*» (Ким Ман Чжун 1961, 214); «... ножницы, инкрустированные *яшмой...*» («Книга прозрений» 1997, 390) и т. п.

Яшму (нефрит) дарили невесте на свадьбу, а также первой жене, второй жене обычно преподносили бриллианты. На Дальнем Востоке до сих пор существует поверье, что *яшма* или *нефрит*, подаренные на свадьбу приносят удачу и оберегают от несчастий всю оставшуюся жизнь (см.: Jobes. Part 2. 1962, 859-860; Сидихменов 2000, 381; 64).

«Эти *яшмовые драгоценности*, сказала Цайфэн, когда женщины остались одни, – подарены нам нашим супругом» («Записки...» 1985, 159).

Китайцы и корейцы наделяют *яшму (нефрит)* еще и музыкальностью, так как *яшма (нефрит)* при дроблении издает мелодичный звук (см.: «Классическая проза Дальнего Востока» 1975, 815). Считалось, что звучание *яшмы (нефрита)* способно немедленно возродить в человеке духовную гармонию. Эта способность издавать при ударе приятные звуки была использована при создании литофонов (музыкальных инструментов, состоящие из каменных пластин. Пластины обычно имели трехугольную или полукруглую форму, достигая пятидесяти сантиметров в длину и ширину). *Яшмовые пластины* были в древнем Китае самым почитаемым музыкальным инструментом. В Корее существует музыкальный инструмент пхёнген – набор из шестнадцати *нефритовых пластинок*, по которым ударяют роговым молоточком. Высота зависит от толщины *нефрита*. Тонкие пластины из *нефрита* способны издавать чистый и протяжный звук (см.: Малявин 2000, 329; 440; «Корея. Карманная энциклопедия» 2000, 428).

За некоторыми китайскими и корейскими духовыми инструментами в художественной литературе закрепились поэтические эпитеты *яшмовый* и *нефритовый*, хотя некоторые из них изготавливались из бамбука:

«Затосковала я, стала на *нефритовой флейте* изливать свою тоску». («Верная Чхун» 1990, 87); «Вы будете играть на пятиструнном цине Шу-ня, на *яшмовой свирели* Ван Цзы-цяо...» («Повесть о зайце» 1960, 305).

Яшма (нефрит) также широко применялась и для декоративной отделки музыкальных инструментов:

«Вслед за этим он достал тхунсо, отделанное белой *яшмой*, сыграл сначала сам одну мелодию, потом стал обучать Яна» (Ким Ман Чжун 1961, 64).

В художественной литературе *яшма (нефрит)* - звуковой образ:

«Нежно звенят подвески из *яшмы*» («Верная Чхун Хян» 1960, 35); «Словно *яшма*, звенит ручей...» («Сон...» 1982, 614).

Яшма (нефрит) – цветовой образ: за ней закреплены голубой, красный, зеленый и белый цвета.

«Один из них держал тушечницу из голубой *яшмы* и кисть из пятилистного бамбука» (Ким Си Сып 1972, 103); «... шпильки из красной *яшмы*, – отвечала Юесян <...> – подвески из зеленой *яшмы*» («Записки...» 1985, 159); «... юные прислужники в зеленых одеяниях, волосы собраны на затылке в пучок, держат в руках, кто кувшин из белого *нефрита*, кто поднос из зеленой *яшмы*...» («Сон...» 1982, 620).

Яшма (нефрит) входит в состав имен:

«Дочь министра зовут Оннан – *нефритовая орхидея*» («Повесть о Чёк Сёные» 1996, 65); «О, белая *яшма* с вершины Синшань, // Прекрасная светлая *яшма* – Мёнок!» («Верная Чхунхян» 1990, 70); «Это «*Яшмовый лотос*» – Оннён»; «Как весной, зеленеет листок. То «*Яшмовый лепесток*» – Огён»; «В свете ясной луны все прекрасны они. Словно «*Чистая яшма*» – Оксон» («Корейские повести» 1954, 117); «... Цзиньянь оказалась вместе с Юй-лянь – «*Яшмовой лилией*», прозванной так за нежно-белое лицо» («Цветы сливы...» Т. 1. 1998, 32).

Яшма (нефрит) часто встречается в названиях, например, книг, стихов, песен и т. п.:

«Это «*Цветы на яшмовом дереве*» Чэнь Хоу-чжу, то есть та самая песня, о которой, как говорится, надо его самого расспросить, коль доведется встретиться на том свете» (Ким Ман Чжун 1961, 99); «Министр взял его и прочел. Сочинение, как говорится, достойно «*Яшмового кубка*» и «Небесной книги!»» («Скитания госпожи Са по югу» 1960, 382); «В «*Книге Нефритового ларца*» сказано, что на девятое приходится день рождения Небесного государя...» («Цветы сливы...» Т. 2. 1998, 29-30).

«*Яшмовый кубок*» - название книги, написанной во II веке до н.э. ханьским ученым Дун Чжун-шу, а «*Книга Нефритового ларца*» – старинное астрологическое сочинение, приписываемое даосскому наставнику – проповеднику Сюю» (Там же, 405).

Нефрит применялся в религиозных обрядах. Он считался наиболее ценным из всех жертвоприношений. Желтый *нефрит* входил в состав жертвоприношений во время важной государственной церемонии жертвоприношения в честь земли – супруги неба (по китайской дуалистической концепции). Голубой нефрит использовался во время обряда жертвоприношения в храме неба (см.: Сидихменов 2000, 64; 273; 2004, 79).

Яшма (нефрит) играла ведущую роль в ритуальных целях и обрядах погребения. В *яшмовые одежды* наряжали знатных покойников. Кусочки *яшмы (нефрита)* в виде цикады клали в рот и нос умершего – это придавало силу и жизнестойкость духу покойного, а также, по народным поверьям, приостанавливало процесс гниения трупа, способствовало мумификации (см.: Малявин 2000, 329; 486; Сидихменов 2000, 64; 91). Также в

гробы усопших высокопоставленных особ клали *нефриты* разной расцветки: красный *нефрит* клали в голову как дань Югу, белый – с правой стороны как дань Западу, черный – в ногах усопшего как дань Северу, зеленый нефрит – под спину как дань Небу и желтый – на живот как дань Земле (Jobes. Part 2. 1962, 860; Chevalier 1994, 548-550).

Некоторые ритуалы нашли отражение в художественной литературе:

«Выходит и на роскошном халате вельможи отыщутся грязные пятна, ибо если богатство нажито не собственным трудом, оно – грязное. Не потому ли, когда толстосум расстается с жизнью и переселяется в мир иной, ему в рот кладут *нефритовую бусинку* как символ очищения» («История цветов» 1991, 585); «Они были прекрасны, как юные феи, и казались спящими *на яшмовом ложе*» («Чанхва и ее сестра Хоннён» 1990, 320); «После смерти завернут тебя в шелка, *из белой яшмы* и янтаря делают гроб и саркофаг, похоронят в красивейшем месте» («Повесть о зайце» 1960, 316).

Образ *яшмы (нефрита)* буквально насквозь пронизывает китайскую и корейскую мифологию, легенды, поверья, а также поэтическую традицию. Ср. *Яшмовый (Нефритовый)* император – верховное божество в даосской мифологии; *Яшмовый (нефритовый)* заяц, который, по преданию, живет на Луне и без усталости толчет в ступе снадобье бессмертия, известное и под другими названиями: пилюли бессмертия или *яшмовый (нефритовый) эликсир*; столицу небесного царства называли *Яшмовой (Нефритовой)*; около *Яшмового (Нефритового) пруда* (кит. Яочи), который находится в горах Куньлунь, в *Яшмовом дворце* живет сама повелительница Запада, богиня Сиванму. *Яшмовый (Нефритовый) пруд* в корейской литературе символизирует красивую природу (см. Троцевич 1971,123;1975,190); *Яшмовые беседки* – места обитания бессмертных красавиц (см.: «Сон...» 1985, 746). В дальневосточной литературе часто упоминаются эти мифические персонажи, а также места их обитания:

«На ложе из девяти драконов восседает золотой немеркнущий Учитель десяти тысяч небес, *Нефритовый владыка*, Великий государь» («Цветы сливы...» Т. 2. 1998, 31); «В награду жалует меня *Яшмовый император* званием «Отошедшего на покой в леса и горы...»; «Все кругом, как в *Яшмовой столице!* А если это *Яшмовая столица*, то нет ли здесь Хэн-э из Лунного дворца?» («Верная Чхун Хян» 1960, 133; 40); «Словно Ванмо устроила персиковый пир у *Нефритового пруда*» («Повесть о Чёк Сёные Чён» 1996, 96); «О, *заяц яшмовый*, куда бежишь ты?» («Бамбук в снегу» 1978, 201); «... Хуан... совсем как бодисатва, стряхнувшая с себя мирской прах, или Фея *Яшмовой беседки!*» («Сон...» 1985, 518).

Существовало поверье, что небесный трон Будды сделан *из яшмы (нефрита)*:

«... благовещий красный туман *перед яшмовым троном* владыки» («Классическая поэзия...» 1977).

Во дворце мифического Царя-Дракона прислуживают небожительницы, *нефритовые девы*:

«Он подошел к центральным воротам и увидел четырех *нефритовых дев*, которые ткали в павильоне из белого серебра» («Повесть о Чёк Сёные Чён» 1996, 25); «*Нефритовая дева*, прислужница *Нефритового государя!* - возгласил он» («Сон...» 1982, 25).

Во дворце мифического Царя-Дракона обитают мифические животные и растут *цветы и травы из драгоценных камней*:

«На высоких-высоких вершинах парами гуляли изумрудные птицы луань и пурпурные фениксы, повсюду пышно цвели *цветы из драгоценных камней и нефритовые травы*» («Повесть о Чёк Сёные Чён» 1996, 25).

Дворец мифического Царя-Дракона выстроен *из нефрита* и золота:

«*Нефритовые башни*, [изукрашенные] золотом залы выглядят грациозно»; «У меня *в нефритовых покоях* и золотых залах полно всяких развлечений, но сердце грустит» («Повесть о Чёк Сёные Чён» 1996, 26; 93).

В этом дворце подают фантастический, божественный напиток — *нектар из белой яшмы*. Считалось, что *яшма* в виде порошка, смешанная с росой, продлевает жизнь. Этот напиток следовало пить *из нефритового кубка* (см. Chevalier 1994, 550).

«Может ли житель этого брэнного мира оценить по достоинству нектар *из белой яшмы*, мясо красного дракона!» («Классическая проза Дальнего Востока» 1975, 280).

По преданию, ханьский император У-ди (правил в 140-86 гг. до н.э.) построил террасу с перилами из кипариса, на которой была построена чаша. В эту чашу собиралась влага от ночных испарений, посылаемых на землю Северным Ковшом (Большой Медведицей). У-ди подмешивал в эту росу лучшую *яшму*, истолченную в порошок, и пил. От этого он, будучи старцем, казался отроком (см. «Верная Чхунхян» 1960, 665).

Много разных легенд, преданий и поверий связано с *яшмой (нефритом)*:

«А *про яшму* люди вот что рассказывают. Однажды в горах Куньлуня случился пожар, и вся *яшма* и прочие камни сгорели. А из этой *яшмы*, что кое-где уцелела, Чжан Цзыфан смастерил себе флейту и печальной игрой на ней в лунную ночь на горе Цзиминшань привел в смятение восемь тысяч цзяндунских воинов» («Братья Хынбу и Нольбу» 1990, 138).

По другому преданию, в эпоху Борющихся царств (403-221 гг. до н.э.) в княжестве Чу на горе Цзиньшань был найдена драгоценная белая *яшма (нефрит)*. Эта *яшма* была подарена чуйскому князю. Впоследст-

вии этот камень попал в сокровищницу князей Чжао. Циньский Чжао-ся предложил за этот камень чжаоскому князю пятнадцать своих городов, чжаоский князь нашел это выгодным и отправил *яшму* к Чжао-ся, но чжаоский посланник Линь Сян-жу, прибыв в циньскую столицу, заподозрил обман и, скрыв *яшму*, вернулся на родину. Циньский Чжао-ся, считая себя оскорбленным, вторгся в удел Чжао и покорил его (см.: «Верная Чхун Хян» 1990, 364; 1960, 682).

В корейской литературе белая *яшма* (*нефрит*) - символ ценной вещи (Троцевич 1975, 189).

С нефритом так или иначе некоторые историки связывают обычай бинтования ног в Китае. По одной из версий, у императора династии Тай Ли Хоучжу была наложница по имени Яо Нян. Император повелел ювелирам сделать золотой лотос высотой в шесть футов. Внутри цветок был выложен *нефритом* и другими драгоценными камнями. Яо Нян приказано было туго забинтовать свои ноги, придав им форму молодого месяца, и в таком виде танцевать внутри цветка. Говорили, что танцующая Яо Нян была столь необыкновенно легка и грациозна, что, казалось, скользила по верхушкам золотых лилий. По преданию, с того дня и началось бинтование ног (см. об этом: Сидихменов 2000, 354).

В старой Корее был распространен обычай при расставании брать по одному перстню, браслету и т. д., которые изготавливались парами, совершенно одинаковыми. Узнавание после долгой разлуки близких людей посредством сличения перстней – очень распространенный мотив в корейской средневековой литературе (см.: «Черепашовый суп» 1970, 238).

«Он незаметно бросил в окно один из *яшмовых перстней*, всегда хранившихся у него в кармане» (Там же, 84).

В Китае с *яшмой* связывают и традицию отставки или восстановления чиновника в должности - *яшмовое цзюэ*. Цзюэ, как иероглиф, пишущийся с левым определителем «*яшмы*», значит полукольцо; но с левым определителем «слова» означает расставание. Таким образом, подарок этот символически говорит: «Прощай!». В древности император таким путем вежливо сообщал чиновнику о его отставке и, наоборот, посылая полное кольцо (*хуань*), велел ему вернуться к должности (см.: Пу Сун-лин 1999, 356). Эта традиция нашла отражение в художественной литературе:

«Ван развернул платок. Там оказалось ввязанным в узел *яшмовое цзюэ*» (Там же, 356).

Китайцы и корейцы верили в необыкновенные свойства *яшмы* с горы Куньшань:

«Да ведь это же белая *яшма* с горы Куньшань, а жемчужина добыта очень глубоко в море. Наденешь этот перстень зимой – станет тепло. А ночью темной от него исходит яркое сиянье» («Записки...» 1985, 139).

С *яшмой* и *нефритом* образовано большое количество метафорических выражений:

Так, ночное небо с сияющими в нем луной и звездами называли *яшмовыми* (*нефритовыми*) *чертогами* («Верная Чхун Хян» 1960, 50), *яшмовым сводом*, а также *яшмовыми ширмами* («Классическая проза Дальнего Востока» 1975, 284). *Яшмовая нить* - метафора человеческой жизни, быть уподобленным *яшме* – высшая похвала для китайского ученого мужа (см. об этом: Сукаленко 1992, 83-84; Малявин 2000, 487).

Яшма (*нефрит*) символизировала богатство. Наличие в китайском или корейском доме посуды *из яшмы* или *нефрита* свидетельствовало о достатке хозяина:

«Прежде халлим Лю жил припеваючи. Ходил в парчовом платье, ел с *яшмовых* блюд...» («Скитания госпожи Са по югу» 1960, 384).

Золотой жир и *светильники из нефрита* тоже символизируют богатство народа (см.: Троцевич 1975, 182).

Драгоценная яшма (*нефрит*) *в руке* – предмет, которым особо дорожат (см. об этом: Троцевич 1975, 187):

«Он дорожил обоими сыновьями, как *драгоценной яшмой в руке*» («Скитания госпожи Са по югу» 1960, 352).

Нефритовые (*яшмовые*) *листья на золотой ветке* – китайское выражение, обозначающее сына или дочь государя, а также наследника в знатном доме, любимого ребенка. *На нефритовом дереве драгоценные ветви* – хорошие потомки (Троцевич 1975, 183; 190; «Повесть о Чёк Сёные Чён» 1996, 149).

«Я – жена последнего чиновника двора, а вы, принцесса, [как говорится], *нефритовый листок на золотой ветке*» (см. «Повесть о Чёк Сёные Чён» 1996, 105); «Холили ее, как *яшмовый листочек на золотой ветке*» («Сказание о госпоже Пак» 1960, 494); «О моя доченька, моя Чхун Хян! *Золотая веточка, яшмовый листик!*» («Корейские повести» 1954, 160).

Яшмовый зал – образное выражение, обозначающее центральное строение в буддийском храме, где помещается изображение Будды и совершаются богослужения (см.: «История цветов 1991, 634).

«Только она опять меня спросила: «А белые жертвенные хлебцы, что приносят в *Яшмовый зал* храма, твой учитель сам, что ли съедает?» (Там же, 127).

Расплавленная яшма – метафорическое название изысканных сортов вина:

«В зеленых кубках *из нефрита* вино играет – *расплавленная яшма*» («Цветы сливы...» Т. 1.1998, 123).

Яшма, белая, нежная, с неизъяснимой прелестью колорита часто служит поэтическим сравнением с внешностью и душой прекрасного

человека. Национально-культурная специфика мышления корейского и китайского этносов проявляется в традиционных эталонных сравнениях, связанных с портретом человека. Сразу следует отметить, что многие образные сравнения являются нетипичными для носителя русского языка и подчас могут вызывать удивление.

В корейской литературе *жемчуг* и *нефрит* – символ красоты (см.: Троцевич 1975, 187), а *яшмовый* (*нефритовый*) облик – образ красивой женщины («Повесть о Чёк Сёные Чён» 1996, 140). Образ *девы-яшмы* – популярнейший образ в дальневосточной литературе, восходящий еще к «Книге песен» (см.: «Китайская пейзажная лирика III-XIV вв.» 1984, 303). Китайский литератор XVII века Вэй Юн писал, что «красавица рождается из тончайших испарений Неба и Земли, из *яшмовой росы*, скапливающейся на бронзовом диске» (Малявин 1997, 314-315).

Весь облик красавицы соотнесен с *яшмой* (*нефритом*):

«Она была прелестна, как *яшма!*» («Черепашовый суп» 1970, 17); «Сейчас моя дочь Чхун Хян прекрасна, как белый *нефрит* и цветок» («Верная Чхун Хян» 1990, 59); «Они походили... на россыпь драгоценных крупных *яшм*» (Би Сяошэн 1992, 152).

Яшме (*нефриту*) уподобляются отдельные части тела красавицы, например, лицо, нос, зубы, плечи, грудь, руки, пальцы, ноги, кожа и т. д.

Лицо: «... лицо ее было прекрасно, как белая *яшма*...» («Записки...» 1985, 56); «Сама – словно белый *нефрит*, а лицо – словно красная *яшма!*» («Сказание о госпоже Пак» 1960, 516).

Читая о девушке «с лицом - словно красная *яшма*», русскоязычный читатель вряд ли сможет принять это за эталон красоты. Для русского человека будет ближе сравнение лица красавицы с *маковым цветом*.

Нос: «Нос будто из *нефрита* выточен» («Цветы сливы...» Т. 1. 1998, 44).

Зубы: «Среди них оказалась какая-то красавица, румяная лицом, с *нефритовыми зубами*, искусно подкрашенная и в нарядном платье» («Корейские предания и легенды...» 1980, 123).

Для русских зубы обязательно будут *жемчужными* (ср. *жемчуг* зубов).

Красота голоса девушки отождествляется с *яшмой* (*нефритом*). Это является излюбленным сравнением на Дальнем Востоке:

«Она... сказала нежным, словно звон *нефрита* голоском...» («Верная Чхун Хян» 1960, 46); «Тогда Хун поднялась, склонила голову и начала голосом прекрасным, как *яшма*, читать стихи один за другим» («Сон...» 1982, 47).

Однако некоторые образные сравнения настолько оригинальны, что могут вызвать у русскоязычного читателя удивление:

«Шпилька! Шпилька! – крикнула Чхун Хян, и голос ее зазвенел, словно раскололи *яшмовое блюдо*, нарезая овощи» («Верная Чхун Хян»

1960, 42); «... зазвенел голос Чхунхьян, будто коралловая шпилька раскололась о яшмовое блюдо» («Верная Чхунхьян» 1990, 27); «Хун... запела — словно драгоценная яшма Наньтяня рассыпалась на столах пирующих...» («Сон...» 1982, 43).

На Дальнем Востоке даже слюна красавицы была предметом обожествления, ее называли «нефритовым настоем» (Малявин 1997, 330).

Плечи: «И, словно изваянные из нефрита, // прекрасные, белые плечи...» («Цветы сливы...» Т. 1. 1998, 265).

Для русских же плечи будут мраморными или алебастровыми.

Грудь: «матово-белая и нежная, словно нефрит, грудь» («Цветы сливы...» Т. 2. 1998, 150).

Руки: «... зачерпнула своей яшмовой ручкой прозрачную воду» («Повести страны зеленых гор» 1966, 218); «Нежной нефритовой ручкой она подобрала подол синей шелковой юбки» («Классическая проза Дальнего Востока» 1975, 335); «Она протянула ручку, которую можно было сравнить с куском нефрита...» (Би Сяошэн 1992, 106).

Пясти рук: «И выточенные как будто из яшмы // тончайшие пясти красавиц...» («Цветы сливы...» Т. 1. 1998, 265-266).

Пальцы: «Та почтительно взяла его своими тонкими, словно выточенными из белой яшмы, пальцами, ногти которых были покрыты красным соком бальзамина, как вдруг император схватил ее за руку» (Семанов 2000, 49); «Там она заключила Цзин-цзи в объятия и тонкими и нежными, как нефрит, пальчиками стала отстегивать ему пояс» («Цветы сливы...» Т. 2. 1998, 383).

Ноги: «Палач ударил два раза, выждал немного, ударил еще раз — на ногах Чхунхьян, белых как нефрит, выступила кровь» («Роза и Альый Лотос» 1974, 336).

Яшма-росточек — в Китае так называли маленькие женские ножки, которые были искалечены вечным компрессом и действительно были похожи на белый росток бамбука, оканчивающий острием (Там же, 378).

«... бросила башмаки в огонь, приговаривая...: “Когда-то они вмещали яшму-росточек; // Надеть, показать, от тысяч людей хвала!”» (Пу Сун Лин 1999, 301).

Кожа: «На щеках румянец горит, // Кожа белая, словно яшма...»; «У каждой, нефриту подобная, нежная кожа» (Би Сяошэн 1992, 54).

Нефрит также ассоциировался с мягкой красотой женского тела.

«Чхунхьян, раздетая, была белее и прекраснее нефрита с горы Цзиньшань...» («Верная Чхунхьян» 1990, 46); «Пин-эр стояла на солнце, и сквозь тонкую юбку просвечивало ее нежное, как белый нефрит, тело» («Цветы сливы...» Т.1. 1998, 291).

В художественной литературе Дальнего Востока *яшма (нефрит)* —

эротический образ. Сексуальные отношения называли «нефритовой игрой» (см.: Тресиддер 2000, 236). Отсюда, наверное, появились метафорические названия женского «тайного» места: «яшмовый цветок», «нефритовые врата», «нефриту подобное лоно», «нефритовые чертоги», «яшмовый цветок» (Би Сяошэн 1992, 27; 29-30; 109) и «яшмовая ваза» («Цветы сливы...» Т. 2. 1998, 111).

В дальневосточной литературе *яшма* (*нефрит*) символизирует и красоту мужчины (Троцевич 1975, 182).

Весь облик мужчины, а также различные части тела уподобляются *яшме* (*нефриту*): «И собой хорош, как *яшма*» («Черепеховый суп» 1970, 15); «Этот братец красотой подобен ценному *нефриту*» (Би Сяошэн 1992, 64).

Лицо: «лицо было как *яшма*, он не имел себе равных среди людей» («Ссяньчхон кыйбонь» 1962, 62); «Красивый... с лицом прекрасным, словно чистый *нефрит*» («Классическая проза Дальнего Востока» 1975, 311).

У средневекового красавца «нефритовые черты» («Повесть о Чёк Сёные Чён» 1996, 146), хотя русскоязычному читателю трудно понять, что здесь имеется в виду: красивые черты лица или что-либо другое.

Зубы: «как белая *яшма*» («Корейская классическая поэзия» 1956, 91).

У мужчины «нефритовая осанка»; «[У Сёных] сложение [будто] из *нефрита*, облик выдающийся...» («Повесть о Чёк Сёные Чён» 1996, 80; 89).

Голос его звенел «словно белую *яшму* положили в пустынных горах» («Ссяньчхон кыйбонь» 1962, 28).

На Дальнем Востоке *нефрит* считался символом Солнца и «ян». (Тресиддер 2000, 236). В эротической литературе Дальнего Востока использовался специальный так называемый «сексуальный код». *Яшму* (*нефрит*) связывали с образом фаллоса. Метафорические названия фаллоса в художественной литературе: «яшмовый стебель» («Цветы сливы...» Т. 2. 1998, 21); «нефритовый посох»; «нефритовый перст»; «нефритовый жезл» (Би Сяошэн 1992, 33; 150) и мн. др.

Наряду с золотом, серебром, жемчугом, агатом, кораллом и хрусталем *яшма* (*нефрит*) входила в число *семи сокровищ*, которые считались символом богатства в Корее и Китае, а также эталоном совершенства («Записки...» 1985, 451). *Семь сокровищ* часто встречаются в образных сравнениях при описании неземной красоты:

«Лицо прекрасное, как *семь сокровищ!*» («Верная Чхун Хян» 1990, 80).

Яшма и *нефрит* всегда холодны, даже в самые жаркие дни; на Дальнем Востоке они символизировали целомудрие и нравственную чистоту (Сидихменов 2000, 64). В Китае даже есть поговорка: «*Нравственность благородного человека подобна нефриту*». Сравнение девушки с *яшмой* или *нефритом*, говорило о ее чистоте, «ибо, как к нефриту

не пристаёт никакая грязь, так не пристанет она к целомудренной женщине» («Китайская пейзажная лирика III-XIV вв.» 1984, 303).

«Она, добродетельная и (чистая), как *яшма* и лед...» («Ссяньчхон кыйбонь» 1962, 56); «... душа его чиста, как белый *нефрит* с Куньлуня» («Верная Чхунхян» 1990, 118).

Не только нравственная, но и телесная чистота уподобляется *нефриту*: «Душой и телом чисты, словно *нефрит*» (Би Сяошэн 1992, 52).

Яшме приписывается и такое качество как твердость духа:

«*Яшма* неизменно тверда и чиста... Оставайся же чист и тверд душою, как эта *яшма*...» («Корейские повести» 1954, 108).

Яшма наделяется и такими качествами, как верность, преданность и неизменность:

«Цветок непостоянен. Непрочно // Его любви блистающая нить. // Но *яшмовое сердце* никогда // Не сможет разлюбить иль изменить» (Ли Бо 2000, 170).

Опозоренная, брошенная девушка соотносится с *расколотой яшмой*:

«Судьба моей дочери, чистой как *яшма*, будет тогда, словно *расколотая яшма*...» («Верная Чхун Хян» 1960, 58).

Радостное состояние девушки соотнесено с *лучистыми звездой и нефритом*:

«Алые глубки чуть приоткрыты, зубки – белые, она лучится, как *звезда* и *нефрит*, кажется даже, будто напудрена и нарумянина» («Верная Чхунхян» 1990, 30).

Сравнение иероглифов с *нефритом* и *жемчугом* обозначало высокое каллиграфическое искусство («Повесть о Чёк Сёные Чён» 1996, 144).

«Каждый иероглиф был что *жемчуг* и *нефрит*, а каждая строка – целое литературное сочинение» («Повесть о Чёк Сёные Чён» 1996, 100).

Для русских отождествление подстилки с *нефритом* может показаться странным: как *нефрит* может быть нежным и мягким, когда всем известно о его необыкновенной твердости?!

«... под ней подстилка мягкая и нежная, словно *нефрит*» («Цветы сливы...» Т. 2. 1998, 258).

Вопреки распространенному у русских мнению, что глубокий сон могут обеспечить лишь хорошо взбитые перина и пуховая подушка, китайцы и корейцы считали, что хорошо отдохнуть можно лишь на жесткой подстилке и подушке, сделанной зачастую из *камня*, иногда из *нефрита*. Недаром в настоящее время в Корее приобрели большую популярность матрасы и кровати, покрытые тонкими *нефритовыми пластинками*, с подогревом.

Яшма и *нефрит* встречаются и в других сравнительных конструкциях:

«Каждое слово – жемчуг и *яшма*» («Ссяньчхон кыйбонь» 1962, 54); «... на столе рис белее белого *нефрита*» («Верная Чхунхян» 1990, 116);

«Каждое зернышко благоухало и напоминало крупинку *яшмы*» («Сон...» 1982, 608) и мн. др.

Яшма и *нефрит* отмечены в предложениях фразеологического характера (далее РФХ).

РФХ *золото, жемчуг и яшма во сне* – символ мимолетного сна:

«Но радость любви также быстро исчезла, // Как *золото, жемчуг и яшма во сне*» («Верная Чхун Хян» 1960, 82).

В корейском языке существует РФХ *женщина (как нефрит) в тысячу золотых*, символизирующее необыкновенную красоту. (Троцевич 1975, 188).

РФХ *узнать радость игры с яшмой* означает ‘познать радости супружеской жизни’:

«Выберете себе добрую женщину и познаете, как говорится, “*радость игры с яшмой*”» («Скитания госпожи Са по югу» 1960, 333).

РФХ *к блеску золота прибавить сияние яшмы* имеет значение ‘выбрать подходящую супругу (или супруга)’; в корейской литературе *золото и яшма* – символ достойной супружеской четы («Ссяньчхон кыйбонь» 1962, 78).

«Если взять эту девицу в жены супругу Ли – все равно, что *к блеску золота добавить сияние яшмы*» (Там же, 64).

РФХ *под нефритовым седлом и при золотой плетке*, а также *сбруя из нефрита, седла золотые* означают ‘быть знатным и богатым’.

«А какое убранство он на него одел! Пурпурного цвета сбруя, вся в алых кисточках, кнут с коралловой рукоятью, как говорится, *под нефритовым седлом и при золотой плетке*» («Верная Чхунхян» 1990, 22); «Скачут всадники – *сбруя из нефрита, седла золотые*» («Цветы сливы...» Т. 2. 1998, 225).

РФХ *яшмовые кости и облик небожителей* имеет значение ‘дети высокопоставленных родителей, так называемая голубая кровь’:

«Лим за десять лет жизни в доме Лю родила трех сыновей, и у всех были, как говорится, *яшмовые кости и облик небожителей*» («Скитания госпожи Са по югу» 1960, 406).

РФХ *яшма из Цзинских гор* означает ‘непризнанную драгоценность, непонятый талант’. В основе этого РФХ лежит рассказ древнекитайского философа Хань Фэй-цзы. В эпоху Чжоу, в китайском царстве Чу жил некий Бянь Хэ. Однажды он нашел *яшму* в горах Цзиншань (на территории нынешней провинции Хубэй) и приподнес ее государю Ли-вану. Тот не распознал в необработанном камне драгоценность и велел отрубить Бянь Хэ за обман левую ногу. Когда к власти пришел У-ван, Бянь Хэ вновь приподнес ему *яшму*, но ему опять не поверили и отрубили вторую ногу. В царствование Вэнь-вана однажды, в присутствии государя, Бянь Хэ заплакал, обняв камень. Вэнь-ван велел огранить его.

Оказалось, что это и в самом деле драгоценная *яшма* (см.: Ким Си Сып 1972, 169-170).

«Вы как *неотшлифованная яшма из Цзинских гор*, брошенная в пыль; как ясная луна, потонувшая в омуте» (Там же, 92).

Яшма отмечена во многих иносказательных выражениях. Приведем примеры лишь некоторых из них:

«Женщины в наше время обречены на затворничество в родительском доме, глаза и уши у них закрыты для всего мирского. Не могут созерцать они ни вод лазурного моря, ни облаков над горой Ушань, и поэтому познания их ничтожны. Разве это хорошо? *Но пусть яшма с гор Хэньшань прячет блеск и не выставляет напоказ свою красоту, пусть жемчужина не выглядывает из раковины – все равно это сокровища!*» (Ким Ман Чжун 1961, 234); «Но вот уже несколько лет, как я знаю Хун, и не могу упрекнуть ее ни в каком недостатке. Если бы я был разумнее, то больше заботился бы о ней. *Яшма разбивается от легкого удара, самые красивые цветы увядают быстрее других*»; «Ты долго пробыл в изгнании, достаточно пережил. Но ведь известно: *яшма от времени не тускнеет, а меч становится от огня крепче*. Забудь обиды, думай о будущем» («Сон...» 1982, 281;126); «... [она принялась] расхваливать строку за строкой... – *Белый нефрит скрыт в горах Консан, но стоит [его] достать, сияние уж не спрячешь*. Вы говорите, что рано расстались с родителями, а кто же научил [вас] такому искусству?» («Повесть о Чёк Сёные Чён» 1996, 89).

Яшма отмечена в пословицах:

«*И белая яшма может оказаться в пыли*» (Лим Су 1982, 112); «*И у нефрита бывают изъяны*» (Лим Су 2003, 288); «*Не обработав яшмы, не сделаешь чашу*. Разве ваше сегодняшнее счастье не есть награда за прошлые бедствия!» («Записки...» 1985, 241).

Яшма зарегистрирована и в крылатых выражениях. Общественные нравы того времени нашли отражение в речении, которое было популярно в древнем Китае, взятом из «Книги песен»: «Когда рождается мальчик, его кладут на постель и дают ему играть *с яшмой*; когда рождается девочка, ее кладут на пол и дают ей играть с черепком» (Малявин 2000, 543).

«Стихотворец Оу Ян писал: “*Яшмовый лик издревле причинял в жизни много бед телу*”» («Корейские повести» 1954, 126).

С яшмой (нефритом) связывались и разного рода приметы:

Увидеть во сне гору из камней *нефрита* – к большой удаче, в каком-нибудь виде золото, серебро, жемчуг и *нефрит* – к удачному делу (см. об этом Баранов 1999, 288).

В художественной литературе Дальнего Востока *яшма* и *нефрит* иногда встречаются в одном предложении и рассматриваются как два различных камня.

«Что же это пилюли... Формой они напоминают куриное яйцо, желты, словно цыпленок. Сам Лао-цзы трижды их выпарил, как сказано в рецепте Сиванму. Посмотришь — с виду прах или помет, на деле же ценней *нефрита*, хоть золото отдай — нигде их не добудешь, а *яшма* в сравнении с ними — обыкновенный камень» («Цветы сливы...» Т. 2. 1998, 98).

Нами зарегистрирован случай, когда в одном предложении *нефрит* употреблен в прямом значении, а *яшма* — в переносном:

«Сидя на *нефритовых* перилах и прислонившись *яшмовым* личиком к коралловым занавескам, она грустила...» («Подвижница Сим Чхон» 1990, 249).

Итак, отношение к *яшме* (*нефриту*) на Дальнем Востоке особое. Она является как бы образом жизни этих народов, его философией, мерилom материальной и духовной культуры, частью быта и медицины. Как показали исследования, символика *яшмы* (*нефрита*) многозначна — это и эталонная базовая драгоценность, и символ императорской власти, символ совершенной красоты, а также чистоты и добродетели. Она является символом бессмертия, твердости, эротическим символом и т. д. *Яшма* (*нефрит*) — это неотъемлемая часть свадебных, похоронных обрядов, а также ритуалов, связанных с жертвоприношением. С этим минералом связаны многочисленные легенды и поверья, образовано большое количество речений фразеологического характера, пословиц и поговорок.

В заключение хочется привести слова академика В. А. Алексеева: «В литературе — это самый классический и изысканный образ. *Яшма* чиста, струиста, тепла, влажна, одновременно легка и тверда. Она не грязнится, не зависит от окружающей ее температуры и, следовательно, есть лучший образ благородного человека, не зависящего от условий жизни. *Яшма в руке поэта* — это стихи. *Яшма в порошке* — это разбросанные на бумаге перлы каллиграфа (а каллиграфия в Китае ценится наравне с живописью). *Яшма* — это красивая девушка, это человеческая доблесть; *яшма* — это милый, прекрасный человек, ибо чистое сердце его сквозит и струится, как *яшма*. Наконец, *яшмовый сок* — это вино... Решительно все лучшее — это *яшма*» (цит. по: Сидихменов 2000, 64).

Л и т е р а т у р а

- Бамбук в снегу. Корейская лирика VIII-XIX веков. М.: Наука. Гл. ред. восточ. литер., 1978.
Баранов И. Г. Верования и обычаи китайцев. М.: ИД «Муравей-Гайд», 1999.
Би Сяошен. Цвет абрикоса. М.: СП «Вся Москва», 1992.

- Братья Хынбу и Нольбу // Верная Чхун Хян. Корейские повести XVII-XIX веков. М.: Худож. литер., 1990. С.113-190.
- Верная Чхун Хян. Корейские повести XVII-XIX веков. М.: Худож. литер., 1990.
- Ду Фу. Сто печалей. СПб.: «Кристалл», 2000.
- Завадская Е. В. Эстетика камня в китайской живописи // Искусство Востока и Античности. М. 1977.
- Записки о добрых деяниях и благородных сердцах. Л.: Худож.литер. (Ленингр. отд.), 1985.
- История о верности Чхун Хян. Средневековые корейские повести. М.: Изд-во восточ. литер., 1960.
- История цветов. Корейская классическая проза. Перевод с ханмуна. Л.: Худож.литер. (Ленингр. отд.), 1999.
- Ким Ман Чжун. Облачный сон девяти. Роман. М.-Л.: ГИХЛ, 1961.
- Ким Си Сын. Новые рассказы, услышанные на горе Золотой Черепахи. М.: Худож. литер., 1972.
- Китайская пейзажная лирика III-XIV вв: стихи, поэмы, романсы, арии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984.
- Классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии. М.: Худож. литер., 1977.
- Классическая проза Дальнего Востока. М.: Худож. литер., 1975.
- Книга прозрений. / Сост. В. В. Малявин. М.: Наталис, 1997.
- Корейская классическая поэзия. М.: Гос. Изд-во худож. литер., 1956.
- Корейские повести. М.: ГИХЛ, 1954.
- Корейские предания и легенды из средневековых книг. М.: Худож. литер., 1980.
- Корея. Карманная энциклопедия. М.: ИД «Муравей-гайд», 2000.
- Ли Бо. Невритовые скалы. СПб.: «Кристалл», 2000.
- Лим Су. Золотые слова корейского народа. СПб.: С.-Петербургский ун-т, 2003.
- Лим Су. Корейские народные изречения на корейском и русском языках. М.: Гл. ред. восточ. литер., 1982.
- Малявин В. В. Китай в XVI-XVII веках. Традиция и культура. М.: «Искусство», 1995.
- Малявин В. В. Китайская цивилизация. М.: Изд-во «Астрель», 2000.
- Малявин В. В. Молния в сердце. М.: Изд-во «Наталис», 1997.
- Малявин В. В. Сумерки Дао. Культура Китая на пороге Нового времени. М.: Изд-во «АСТ», 2003.
- Новикова Е. В. Китайский сад – модель взаимоотношений Человека и Природы // Человек и Природа в духовной культуре Востока. М.: ИВ РАН: Крафт+, 2004. С.396-417.
- Повести страны зеленых гор. М.: Гос. Изд-во худож.литер., 1966.
- Повесть о Сим Чхон // История о верности Чхун Хян. Средневековые корейские повести. М.: Изд-во восточ. литер., 1960. С.179-244.
- Повесть о том, что приключилось с зайцем // История о верности Чхун Хян. Средневековые корейские повести. М.: Изд-во восточ. литер., 1960. С.288-322.
- Повесть о Чан Хва и Хон Нён // История о верности Чхун Хян. Средневековые корейские повести. М.: Изд-во восточ. литер., 1960. С.605-629.
- Повесть о Чёк Сёные Чён (Чёк Сёный Чён). СПб.: ПФИВ РАН, 1996.
- Подвижница Сим Чхон // Верная Чхун Хян. Корейские повести XVII-XIX веков. М.: Худож. литер., 1990. С.193-252.
- Пу Сун-лин. Рассказы Ляо Чжяя о чудесах. СПб.: Изд-во «Азбука», 1999.
- Роза и Альфий Лотос. Корейские повести (XVII-XIX вв.). М.: Худож. литер., 1974.
- Семанов В. И. Из наложниц в императрицы. М.: ИД «Муравей», 2000.
- Сидихменов В. Я. Китай: страницы прошлого. Смоленск: «Русич», 2000.
- Сидихменов В. Я. Маньчжурские правители Китая. Минск: «Миринда», 2004.
- Сказание о госпоже Пак // История о верности Чхун Хян. Средневековые корейские повести. М.: Изд-во восточ. литер., 1960. С. 491-547.
- Скитания госпожи Са по югу // История о верности Чхун Хян. Средневековые корейские повести. М.: Изд-во восточ. литер., 1960. С.323-407.

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. — М.: МАКС Пресс, 2004. — Вып. 28. — 192 с. ISBN 5-317-01182-5

- Сон в нефритовом павильоне. Роман. М.: Худож. литер., 1982.
- Ссяньчхон кыйбонь (Удивительное слияние двух браслетов). М.: Изд-во восточ.литер., 1962.
- Сукаленко Н. И. Отражение обыденного сознания в образной языковой картине мира. Киев: Наукова думка, 1992.
- Тресиддер Джек. Словарь символов. М.: Изд-во торг. дома «Гранд» и др., 2001.
- Троцевич А. Ф. Корейская средневековая повесть. М.: Наука. Гл. ред. восточ. литер., 1975.
- Троцевич А. Ф. Символы в языке корейской средневековой повести // Народы Азии и Африки. История, экономика, культура. № 6. М.: Изд-во «Наука», 1971.
- Феи с Алмазных гор. Корейские народные сказки. М.: Худож. литер., 1991.
- Цветы сливы в золотой вазе или Цзинь, Пин, Мэй. М.: Терра-книжный клуб. В 2-х тт. 1998.
- Чанхва и ее сестра Хоннён // Верная Чхун Хян. Корейские повести XVII-XIX веков. М.: Худож. литер., 1990. С.303-324.
- Черепашовый суп. Корейские рассказы XV-XVII вв. Л.: Худож. литер., 1970.
- Энциклопедия для детей. Геология. Т. 4. М.: «Аванта+», 1995.
- Chevalier Jean, Gheerbrant Alain. A Dictionary of Symbols. Cambridge: Blackwell Publishers, 1994.*
- Jober Gertrude. Dictionary of Mythology, Folklore and Symbols. New York: The Scarecrow Press. 1962.*